

Ведущий Владимир КОТЫХОВ

Тел. 256-92-26

Такой холодный,
что обжигает

Трудно сказать, кто был первым мужчиной-любовником Нуреева, но то, что его первой и величайшей любовью стал выдающийся датский танцовщик Эрик Брун, несомненно. Причем Нуреев сначала влюбился в его танец, а потом в него самого. Это случилось в 1960 году, когда Эрик Брун и Мария Толчиф (в то время его партнерша и любовница) приехали вместе с Американским балетным театром на гастроль в СССР. Нуреев сгорал от нетерпения увидеть прославленного датчанина, но так случилось, что двадцатидвухлетний Рудольф уехал на гастроль в Германию, а когда вернулся, то весь балетный Ленинград только и говорил, что о Бруне. Заинтригованный Рудольф раздобыл любительские съемки Бруна, сделанные кем-то в Ленинграде, и пережил шок. "Для меня это стало сенсацией, — вспоминал он через несколько лет. — Брун единственный танцовщик, которому удалось меня поразить. Кто-то назвал его слишком холодным. Он и в самом деле настолько холодный, что обжигает".

Один телефонный
звонок

Спустя год Нуреев обжегся об этот лед уже не на сцене, а в жизни. К тому времени Рудольф вырвался из железных объятий Страны Советов и делал первые шаги на пути к мировым триумфам. Судьба свела его с Марией Толчиф, незадолго до этого порвавшей бурную связь с Бруном. Расставаясь с датчанином, она пообещала ему отомстить и подыскать себе нового партнера. Очень скоро она встречает молодого и горячего татарина, в которого тридцатилетняя балерина мгновенно влюбляется. И предлагает ему ехать вместе с ней в Копенгаген, где планируются ее выступления с Бруном. По дороге Толчиф звонит Бруну и радостно объявляет: "Тут есть кто-то, кто хочет с тобой познакомиться. Его зовут Рудольф Нуреев" — и передает трубку Нурееву. Так они познакомились благодаря Толчиф, которая об этом вскоре сильно пожалеет.

Датский принц
и татарский террорист

"День шел к концу, в номере было темно, — вспоминал годы спустя Брун об их первой встрече, которая произошла в отеле "Англетер", где остановились Рудольф и Толчиф. — Я поприветствовал Марию, рядом с которой находился этот молодой танцовщик, небрежно одетый в свитер и слаксы. Я сел, посмотрел на него внимательно и увидел, что он весьма привлекателен. У него был определенный стиль, некий класс. Это нельзя назвать естественной элегантностью, но это производило впечатление. Он не слишком много говорил, может быть, потому, что еще не совсем хорошо владел английским. Ситуация была неловой из-за моих отношений с Марией. Мы с ней пытались прикрыть это, слишком много и неестественно смеялись. Гораздо позже Рудик говорил, что ненавидит звук этого моего смеха".

После этого они видели друг друга лишь в студии во время занятий. Нуреев приходил в восторг от безупречной длинноюй фигуры Бруна, от его непогрешимой техники, от внешнего облика, напоминающего благородного принца.

Однажды во время перерыва Нуреев заговорил с шепнул Бруну, что надо бы поговорить. Он хотел пообедать с Бруном наедине, без Марии. Но когда Нуреев сообщил ей о своих планах насчет обеда, она закатила истерику, с визгом выскочила из костюмерной. Нуреев бросился за ней, за ним последовал Брун. В этот момент после утреннего класса вышла вся труппа и с интересом наблюдала, как Нуреев, Брун и Толчиф гоняются друг за другом по театру.

Но как бы злилась Мария и сколько бы истерик ни закатывала, между неистовым татаринком и холодным датским принцем уже возникло мощное притяжение, которое в тот момент не мог разрушить никто. Даже властная мать Бруна, имевшая на сына огромное влияние.

Отдельные спальни
для приличия

Эллен Брун, как только Рудольф переехал жить в их уютный дом в пригороде Копенгагена в Гентофте, сразу же невзлюбила Рудольфа. Она видела в нем угрозу уважительности сына, а также своего соперника за его любовь. И хотя ради приличия Рудольф и Эрик занимали отдельные спальни, Эллен догадывалась о характере их отношений. Как и многие другие, кто видел их вместе. Эти двое сразу бросались в глаза, люди оборачивались им вслед, таким красивым и таким разным.

Брун, высокий блондин, напоминавший греческого бога, с высоким лбом и сияющими голубыми глазами, был сама утонченность. Рудольф же с горящими глазами, развевающимися волосами, чувственными ноздрями и острыми скулами, напоминал извергающийся вулкан.

Их отношения к сексу тоже были очень разными. Эрик одновременно и жаждет, и боится интимной близости. Скрытный, осторожный, он не позволял проявиться ни единой эмоции, к тому же он не был готов к тому сексуальному неистовству, которое проявлял Нуреев. Рудольф всегда хотел секса, двадцать четыре часа в сутки. И считал это естественным, а Эрик быстро уставал от этой карусели. Поэтому их роман изначально развивался неистово и бурно. Один наступал, другой убежал. Рудольф, когда ему казалось, что в их отношениях что-то не так, мог в бешенстве кричать и разбрасывать вещи по квартире, а Эрик, шокированный этим всплеском эмоций, убежал из дому. И тогда Рудольф бросался вслед, на поиски своего возлюбленного. Через несколько лет Брун уподобит их встречу столкновению и взрыву двух комет.

Ест мальчиков,
как блины

Убежав от табу и запретов социалистической родины, Нуреев жаждал вкусить от того сексуального рая, который нашел на Западе. Здесь не было комплексов или угрызений совести: увидев что-то понравившееся, Нуреев должен был это заполучить. Его желания стояли на первом месте, и он удовлетворял их при любых обстоятельствах, днем и ночью, на улицах, в барах, гей-саунах. Матросы, водители грузовиков, торговцы, проститутки были его постоянными объектами охоты. Кстати, внешность тут не имела особого значения, важны были размер и количество. Он любил, чтобы этого было много. Существует масса анекдотов, рассказывающих о сексуальной чрезмерности Нуреева. Вот несколько.

Однажды во время обеда в лондонском доме Рудольфа, где собрались уважаемые друзья артиста, его экономка сообщила, что у дверей стоят два молодых человека. Несколько дней назад Рудольф назначил им свидание и, очевидно, забыл об этом. Рудольф вскочил со стула и выбежал из столовой. Гости, услышав, как он с посетителями поднялся наверх, примолкли, возникла неловкая пауза. Тут секретарша Рудольфа, смеясь, воскликнула: "С ним всегда так! Он их ест, как блины!" Вскоре хлопнула входная дверь, и Рудольф, покрасневший, с озорным и довольным блеском в глазах, вернулся к столу. "Это очень вкусно" — двусмысленно сказал он, когда его куртка подавала ему блидо.

Как-то, выйдя из служебного входа Парижской оперы и увидев толпу поклонниц, Рудольф воскликнул: "А где же мальчики?"

Танцую в "Жизели", Нуреев поразил одного из артистов своим измученным видом. "Что с вами?" — спросил

Эрик
Брун.

Мало кому из балетных звезд удалось так разыграть свою жизнь, как Рудольфу НУРЕЕВУ. Здесь есть понемногу от разных жанров — детектива, фарса, мелодрамы, трагедии. Его называли Чингисханом балета, первым геом планеты, самым сексуальным танцовщиком XX века. Действительно, секс для этого неистового татарина значил много. Но кроме секса была и любовь, причем не только с мужчинами, но и с женщинами.

его танцовщик. "Я очень устал, трахался всю ночь и все утро, до самой репетиции. У меня совсем не осталось сил". Рудольф, — поинтересовался артист, — неужели вам никогда не бывает достаточно секса? — Нет. К тому же ночью трахал я сам, а утром меня".

Кошмар на борту
самолета

При этом Рудольф считал, что секс — это одно, а близость — совсем другое. А вот для Эрика это было одно и то же. Его пугали случайные встречи и анонимный секс, он не мог понять неразборчивости друга, которую считал предательством. Его ужасал непомерный физический голод Рудольфа на любовников. Эрик был очень разборчивым и не мог связаться с этой распушенностью. Как не мог смириться и с безумной популярностью Рудольфа, затмевавшей его собственные успехи. Истерический интерес к Нурееву внушал Бруну тревожное ощущение, что он остается незамеченным.

К этому кипящему коктейлю из любви, ревности, обид, раздражения примешивался еще один компонент — алкоголизм Бруна. В пьяном виде у него бывали приступы жестокости, он становился злым и саркастичным. Расстроенный постоянными разговорами о триумфах Нуреева, Брун однажды сорвался, обвинив Рудольфа в том, что тот приехал из СССР на Запад только ради того, чтобы уничтожить Бруна. Услышав это, Рудольф заплакал: "Как ты можешь быть таким жестоким?!" Но продолжал свою любовную погоню за Эриком, который так уставал от татарского тигра, что бежал от него на край света. Когда Эрик улетел на гастроль в Австралию, Рудольф почти каждый день звонил ему из Лондона, удивляясь, почему тот не очень любезен с ним по телефону. "Может быть, стоит звонить один или два раза в неделю?" — советовали знакомые Рудольфа. — Возможно, Эрик хочет побыть один". Но Рудольф этого не понимал. И наконец решил лететь к нему в Сидней.

Во время полета Рудольф пережил одно из самых сильных потрясений. Он никогда не забывал, что КГБ ищет его по всему миру, с тем чтобы выкрасть и вернуть на социалистическую родину. По пути в Сидней этот кошмар едва не случился. Во время остановки самолета в каирском аэропорту пилот вдруг попросил пассажиров выйти из самолета, объясняя это какими-то техническими проблемами. Нуреев внутренне похолодел, чувствуя западно. Он не стал выходить, судорожно вжавшись в кресло. Когда к нему подошла стюардесса, чтобы его вывести, он взмолился о помощи, убеждая, что боится покинуть самолет. Тогда стюардесса, увидев в окне двух мужчин, приближающихся к самолету, быстро провела Нуреева в туалет. "Я им скажу, что он не работает", — пообещала она. Там Нуреев и находился, пока сотрудники КГБ обыскивали самолет и стучали в дверь туалета. "Я устал был в зеркало и видел, как седею", — вспоминал он впоследствии.

Дама сердца

Когда в 1961-м в Копенгагене Нуреев встретился с Эриком, тогда же в его жизнь вошла и прославленная английская балерина Марго Фонтейн. Тут, как и в случае с Бруном, тоже сыграл свою роль телефонный звонок. Однажды Рудольф пришел в гости к своему педагогу Вере Волковой, и зазвонил телефон. Волкова сняла трубку и тут же передала ее Нурееву: "Это вас, из Лондона?" — "Из Лондона?" — удивился Рудольф. В Лондоне он никого не знал. "Это говорит Марго Фонтейн", — сказал голос в трубке. — Не хотите ли танцевать на моем гала-концерте?"

В истории балета нет более элегантной, мужественной и мудрой балерины, чем Фонтейн. Легкая улыбка, горячий блеск

Гений
балета
всегда
хотел
секса

ПОЖАР В КРОВИ

Рудольф
Нуреев.

глаз, темперамент, а еще стальная спина и железная воля — это Марго. Ее муж Роберто Тито де Ариас был из семейства видных панамских политиков и в то время занимал пост посла Панамы в Великобритании.

После того как Рудольф выступил на ее гала-концерте, руководство "Ковент Гарден" предложило Фонтейн танцевать вместе с ним "Жизель". Марго сначала засомневалась. Она впервые выступила в Жизели в 1937 году, за год до рождения Нуреева, а к моменту его побега из СССР уже пятнадцать лет была звездой. Не будет ли она, сорокадвухлетняя прима, смотреться смешно рядом с двадцатичетырехлетним молодым тигром? Но наконец согласилась и победила. Их выступление привело публику в безумие. Чувственный пыл Нуреева стал идеальным контрастом выразительной чистоте Фонтейн. Они сливались в едином танцевальном порыве, и, казалось, их энергия и музыкальность имеют один источник.

Когда занавес закрылся, Фонтейн и Нуреева вызвали на поклон двадцать три раза. Под грохот аплодисментов Фонтейн вытасила из букета красную розу на длинном стебле и преподнесла ее Нурееву, он, тронутый этим, упал на колени, схватил ее руку и стал осыпать поцелуями. Публика от этого зрелища лежала в обмороке.

Но тот вечер не стал для Нуреева полным триумфом. Хотя Брун и репетировал с ним роль Альберта, но, мучимый ревностью, покинул театр. "Я победил за мной, а поклонники побежали за мной. Было очень неприятно", — вспоминал впоследствии Рудольф.

Деревце белых камелий

"Боже! Я никогда не делала в танце и половинки вещей, которые делаю теперь", — с удивлением признавалась Фонтейн, говоря о влиянии на нее Нуреева. А Рудольф признавался: "Если бы я не нашел Марго, я пропал бы".

Вскоре хореограф Фредерик Аштон создал для них балет "Маргарита и Арман" по "Даме с камелиями" Дюма-сына на музыку фортепианной Сонаты си минор Листа. Этот балет стал самым долгожданным событием сезона 1963 года и породил массу слухов и сплетен на тему: а были ли в жизни Рудольф и Марго любовниками? Одни категорически утверждают, что да, другие столь же рьяно это отвергают. Есть и те, кто говорит, что Фонтейн носила ребенка Нуреева, но потеряла из-за выкидыша. Но это скорее из области фантастики, поскольку Марго к тому времени не могла иметь детей. Сами же Рудольф и Марго так рассказывают о своих отношениях: "Когда мы были на сцене, наши тела, наши руки соединялись в танце так гармонично, что, думаю, ничего подобного уже никогда не будет, — вспоминает Нуреев. — Она была моим лучшим другом, моим конфиденциалом, человеком, который желал мне только добра". "Между нами возникло странное влечение друг к другу, которое мы так и не сумели объяснить рационально, — признается Фонтейн, — и которое в каком-то смысле напоминало глубочайшую привязанность и любовь, если учитывать, что любовь так многообразна в своих проявлениях. В день премьеры "Маргариты и Армана" Рудольф принес мне маленькое деревце белых камелий — оно было призвано символизировать простоту наших взаимоотношений в окружающем нас ужасном мире".

Не случилось

А вот в отношениях с Эриком этой простоты не было. Брун, устав от беспорядочности Рудольфа, жаловался друзьям: "Я не могу быть с ним рядом, мы губим друг друга". Но Рудольф продолжал преследовать Эрика. Выступая в 1968 году в Копенгагене, Рудольф встретился с хореографом Гленом Тетли. Тетли был приглашен на обед к Бруну, который предупредил его, чтобы тот ничего не говорил об этом приглашении Рудольфу. Но Нуреев, словно догадываясь о том, куда хореограф едет, навязался ему в компаньоны. Тетли отказывался, но Рудольф влез в его автомобиль. Когда машина подъехала к загородному дому Эрика в Гентофте, улыбающийся Брун вышел навстречу машине. Но, увидев Рудольфа, вбежал в дом, скрылся наверху и не появился весь вечер. "Я уверен, что Рудольф очень расстроился, — вспоминает Тетли, — но он никогда не давал этого понять". А друзьям Нуреев говорил, что навсегда связал бы свою жизнь с Эриком, если бы тот ему это позволил. На что Эрик отвечал: "Рудольф объявлял меня образцом свободы и независимости — я всегда делал то, что хотел. Ну а то, что происходило между нами в первые годы — взрывы, коллизии, — это не могло продолжаться долго. Если Рудольф хотел, чтобы все было иначе, что ж, мне очень жаль".

В скором времени их бурный любовный роман окончательно рухнул. Но хотя с сексом между ними все было покончено, духовная связь длилась до конца жизни, пережив все измены, конфликты, разлуки.

"Мой датский друг Эрик Брун помог мне больше, чем я могу выразить, — сказал Нуреев в одном интервью. — Он мне нужен больше всех".

Когда в 1986 году Брун умирал от рака легких, Нуреев, бросив все дела, приехал к нему. Они проговорили допоздна, но, когда Рудольф вернулся к нему следующим утром, Эрик уже не мог разговаривать, а только следил глазами за Рудольфом. Рудольф тяжело переживал смерть Эрика и так никогда и не смог оправиться от этого удара. Вместе с Эриком из его жизни ушли юная бесшабашность и горячая беспечность. Он остался один на один с самим собой, наступавшей старостью и смертельной болезнью. И хотя Нуреев как-то запальчиво бросил: "Что мне этот СПИД? Я татарин, я его трахну, а не он меня", — Рудольф понимал, что времени ему отпущено в обрез.

Я должен был
на ней жениться

Через пять лет после смерти Эрика Рудольф простился и с дамой своего сердца Марго Фонтейн. До этого Марго пережила страшную трагедию. В Панаме был расстрелян автомобиль, в котором находился ее муж. Две пули застряли в груди, еще одна пробила легкое, четвертая попала в шею сзади, близ позвоночника. По одной версии, это был политический заказ, по другой — в сорокасемилетнего Ариаса стрелял его коллега по партии за то, что тот спал с его женой. Парализованный, прикованный к инвалидной коляске Ариас стал постоянной заботой Марго. Она не допускала, чтобы он превратился в тело в коляске, поэтому возила его с собой на гастроль, на яхты к друзьям. Марго упорно зарабатывала на жизнь и на медицинское обслуживание больного мужа танцами. "Я буду танцевать до тех пор, пока на меня ходят", — говорила она журналистам. И она танцует, а вернувшись вечером после спектакля домой, прежде чем поест, готовит еду мужу и кормит, как маленького ребенка, с ложечки. Кстати, последний раз "Маргариту и Армана" Марго и Рудольф танцевали в Маниле в августе 1977-го. А потом она уединилась с Ариасом на ферме в Панаме, где умирала от рака яичников. Об этом знал только Рудольф, который анонимно оплачивал ее медицинские счета. В 1989 году Марго похоронила Тито Ариаса, перенесла три операции и была почти прикована к постели: "Я привыкла гастролировать по театрам, а теперь гастрольную по больницам", — шутила Фонтейн.

Марго умерла 21 февраля 1991 года, спустя двадцать девять лет с того дня, как она и Рудольф впервые танцевали в "Жизели". После этого он был ее партнером почти 700 раз. Говорят, узнав о ее смерти, он с горечью воскликнул: "Я должен был на ней жениться". Но, кажется, это была всего лишь фраза человека, который знал, что сам умирает от СПИДа. Рудольф пережил Марго на два года. Он умер 6 января 1993 года, накануне православного Рождества, ему было пятьдесят четыре года. Сочельник спустился на землю уже без него.